

VII. Осада и сдача Риги 1709–1710 гг.

В основу этой главы положено историческое исследование подполковника Генерального штаба В.Г.Болдырева, опубликованное в 1910 году. Оно начинается следующим посвящением:

«Русскому воину — честному слуге Царя и Родины посвящаются строки моего небольшого труда. Велика заслуга нашего воинства в деле создания Родины. Обильным потом и кровью оросило оно необъятную ширь земли Русской. Хочется сказать горячее спасибо его многовековому труду. И теперь, когда близятся торжества 200-летия взятия Риги, и присоединения Прибалтийского края, хочется вспомнить о молодецкой работе его предков под стенами старой Риги. Их уже нет, истлели их кости, но память о них будет жить среди нас, как лучший залог нашего единства в рядах великой русской армии».

Положение перед началом осады

Полтавская победа 27 июня 1709 года, окончившаяся полным поражением Карла XII и низведшая Швецию на роль второстепенной державы, предрешила исход Великой Северной войны в пользу России. Гибель шведской армии развязала Петру руки для выполнения главной цели этой войны — выхода России к морю. Это заветное желание, бывшее затаенной мечтой его предшественников, теперь было близко к осуществлению. На всём балтийском побережье, к концу 1709 года, во власти шведов оставались только Рига, Пернов, Ревель и Динамюнд (Усть-Двинск).

Решив бросить большую часть своей конницы под начальством фельдмаршала князя Меншикова в Польшу, против ставленника Карла XII — польского короля Станислава Лещинского, для овладения важнейшим пунктом балтийского побережья — Ригой, Пётр двинул корпус генерал-фельдмаршала графа Шереметева. Этот сорокатысячный корпус состоял из:

- 1) 3-х дивизий пехоты: светлейшего князя генерал-фельдмаршала Меншикова, под

командой генерал-лейтенанта Ренцеля, генерала князя Репнина и дивизии генерала барона фон Алларта;

- 2) 8 полков конницы генерала Рене, под командой генерал-поручика Баура;
- 3) 2 100 донских казаков атамана Митрофана Лобанова.

Правда, учитывая большой некомплект в русских полках, о чём не раз доносил Шереметев, реальное число солдат было явно меньше.

Что же могла противопоставить Рига этим испытанным, только что окуренным дымом «преславной Полтавской баталии» полкам, предводимым славнейшим из сподвижников Великого Петра?

За 5 веков своего существования, Рига пережила не мало всяких бед и тревожений, город вынес 8 больших осад, испытал в своих стенах чуму, голод, пожары, междуусобицу архиепископа и ордена, так что предстоящая осада не являлась неизвестной новостью. Выдержав в дальнейшем тяжёлую 9-месячную бомбардировку, Рига доказала это вполне. Мужество и твёрдость города тем более удивительны, что, несмотря на 90-летнее владычество, Швеция все-таки была временным господином города, новым хозяином, который в силу независящих, от города условий сменил Польшу, как та в свою очередь заменила орден и архиепископа. При условии сохранения старых и по возможности получения новых привилегий, чего никогда не упускала из виду Рига при всех столкновениях из-за господства над нею, в сущности, было не так уж важно, какой национальности флаг будет развиваться над старой цитаделью, если там нельзя было водрузить своего родного городского флага.

Что касается главного руководителя обороны, таковым являлся рижский генерал-губернатор королевский советник, граф Нильс Штрюмберг, только что назначенный на свой высокий пост. Его помощником (вице-губернатором) стал бывший митавский вице-губернатор Иоганн-Адольф Клодт (в 1720 году генерал-лейтенант и ландрат

в Эстляндии), командиром городской милиции — его брат полковник Карл-Густав Клодт. О боевых заслугах и талантах этих лиц неизвестно ничего. Во всяком случае, как показали последующие события, граф Штромберг выказал достаточный характер, чтобы сообщить обороне необходимое упорство.

Гарнизон Риги

В Риге ожидали нападения со стороны русских. Городской землемер Толкс 22 августа пишет в своём дневнике: *«Слушал сегодня в церкви печальную проповедь о разрушении Иерусалима. Такая же судьба грозит в настоящее печальное время и Риге. Боже, спаси нас от осады!»* Эти опасения, разделяемые многими, осуществились уже через несколько месяцев. Когда 29 сентября праздновали день Св.Михаила, распространился слух, что видели русских в Икскюле и Кирхгольме (*Икшкиле и Саласпилсе*). Это неприятное известие подтвердилось уже на следующий день. Поселяне и жители предместий, которым грозила опасность, поспешно стали искать убежище в стенах города. В Ригу введена была целая шведская армия (22 полка), горожане вооружались.

Гарнизон крепости состоял: из 3 полков рейтарских, 7 драгунских и 12 пехотных, общим числом до 12 тысяч человек, не считая городской милиции и городской артиллерийского гарнизона роты. Незначительная общая численность гарнизона при большом числе полков объясняется большим некомплектом в шведских полках. Нормальный состав пехотного полка 1 100 и 1 200 человек (драгунского полка — около 1 000 человек). Вооружение крепости и цитадели состояло из 561 пушки (медные и чугунные), 66 мортир и 7 гаубиц. Шведская пехота была вооружена на 2 трети мушкетами; оставшая треть имела особые пики, втыкавшиеся для отражения кавалерийских атак в землю; пехота ещё с начала войны постепенно вооружалась ружьём со штыком. Конница имела сабли, пистолеты и частью мушкеты, атаковала шведская конница обыкновенно только на быстрых аллюрах и всегда лишь холодным оружием. В по-

левой артиллерии были: 8 и 16-фунтовые пушки (гаубицы), при пехотных полках — лёгкие полевые 3-х фунтовые пушки.

По вооружению не было особой разницы или преимущества на той или другой стороне. Русская пехота вооружена была фузеями (кремнёвыми ружьями), в дуло фузеи вставлялся деревянный заострённый черен с острым железным клинком — багинетом, которым можно было действовать как штыком. Кроме ружей пехотинцы имели и сабли. Конница (драгуны) предназначалась для боя, как на коне, так и в пешем строю, для чего она имела кроме палашей и пистолет также и фузеи.

Все пехотные и некоторые драгунские полки имели по 2 полковых 3-х фунтовых пушки.

Знание ратного дела в шведской армии стояло на очень большой высоте; целый ряд блестящих побед под руководством талантливого полководца, каким был Карл XII, доставил шведской армии широкую известность в Европе. Закалённые в непрерывных боях войска короля-солдата считались непобедимыми.

Но это было до рокового разгрома под Полтавой. С этого момента молодая русская армия, победившая «непобедимых», слепо уверовавшая в своего Великого Вождя, сразу на целую голову выросла, как в глазах всего мира, так и в глазах своего, ещё недавно гордого своими успехами, врага.

Несомненно блеск пережитой победы окрылял русские полки, поднимал их дух и в этом отношении они имели большое преимущество перед защитниками Риги.

Укрепления Риги

В военно-инженерном отношении Рига, как крепость, представляла: городскую ограду (собственно город-крепость), соединённую с укреплениями замка, цитадель, укрепления форштадтов и предмостное укрепление на западном берегу Двины Кобершанец (*нем. Schanze — укрепление, окоп — так в XVIII веке называли отдельные полевые укрепления*), соединявшееся с городом плавающим мостом. Крепостные верки Рижской крепости

Схема из книги В.Г.Болдырева

(**Верк**, от нем. *Werk* — сооружение, укрепление. Отдельное укрепление, входящее в состав крепостных сооружений и способное вести самостоятельную оборону) постепенно перестраивались в период с 1671 г. Они имели бастионное начертание (по 1-й системе Вобана). К 1706 г. впереди гласиса по всему обводу крепости и цитадели был устроен передовой водяной ров (**Гласис**, от лат. *glatia* — покатость, гладкая длинная отлогость. Пологая земляная насыпь, возводившаяся перед наружным рвом крепости, которая улучшала условия обстрела местности впереди главного вала и маскировку).

Крепостная ограда имела 5 бастионов, 2 рavelина и 2 шанца; внутри крепостной ограды сохранилась ещё старая крепостная стена с башнями; в 1700 году она была разломана в 4-х местах. Из крепости вели 9 ворот.

Укрепления замка, соединявшегося мостом с крепостью, состояли из 2 малых бастионов и одного

полу-бастиона. Сам замок, построенный в 1515 году, состоял из 5 флигелей и 5 башен с бойницами.

Цитадель имела форму продолговатого шестиугольника, оборонялась 6 бастионами с 2 рavelинами и 2 контр-гардами. В контр-гарде «Принцесс» помещался сводчатый проезд (*porte du secours*). Часть бастионов цитадели была старого нидерландского начертания, остальные же, вновь возведённые, системы Вобана. Цитадель соединялась с замком подъёмным мостом. Рижские форштадты защищались Роденбургским (по имени строителя) водяным рвом, оставшимся от бывших форштадтских верков, и палисадом, обнимавшим форштадты с северо-восточной стороны.

Кобершанец оборонялся 4-мя бастионами и одним полубастионом, кругом шанца имелся глубокий водяной ров со шлюзом для устройства наводнения.

Работы по устройству новых и исправлению старых укреплений производились городскими инженерами Муррером, фон Даленом и фон Пургольдом по утверждённому в Стокгольме проекту шведского генерал-квартирмейстера полковника фон Дальберга.

В виду слабости гарнизона Кобершанец было решено очистить от войск, укрепления же его разрушить.

Преобразование крепостных верков «сообразно современному духу фортификационного искусства», как гласило письменное желание короля Карла XI, переданное в 1671 году через генерал-губернатора Рижскому магистрату, делало Ригу одной из сильнейших крепостей на балтийском побережье.

Слабой стороной крепости являлось недостаточное вооружение и главным образом недостаток боевых и жизненных припасов. По этому поводу, как до начала осады, так и во время её, шли нескончаемые пререкания между генерал-губернатором, магистратом и населением города (бюргерством). Десятилетняя война в Прибалтийском крае прекратила все торговые сношения, а с ними почти и все доходы Риги. Согласно поданой в 1701 году

Карлу XII жалобе оказалось, что неуплаченные долги рижским купцам достигали огромной суммы — миллиона талеров. В течение 1703–1705 г.г. городом было выплачено шведам 52 574 талера контрибуции. Шведские войска, постоянно квартировавшие в Риге, также требовали огромных расходов. Наконец, как уже упоминалось выше, в 1708 году в Ригу было прислано 4 000 новобранцев, для пополнения шведских полков, содержание их за один год обошлось городу в 160 тыс. талеров серебром.

Правительство Карла XII ещё в самом начале Северной войны принуждено было входить в долги и притом брать деньги у частных лиц, иностранных подданных, и под довольно обременительные и унижительные залого. Так, в 1702 г. оно взяло у голландских купцов, «партикулярных персон», под ручательство голландского правительства и под залог таможенных доходов города Риги 750 тыс. голландских гульденов, и Рига выплачивала с тех пор голландцам аккуратно взносами с процентами этот долг, пока город в 1710 г. не был взят русскими.

Страшное наводнение 1709 года разрушило большую часть предместьев Риги; обездоленная беднота, конечно, сделалась новой обузой для города.

Меры по обороне крепости

При первом известии о движении русских войск, бывший вице-губернатор, полковник Албедиль, в виду крайнего недостатка продовольственных и боевых припасов, а также орудий, настоял на отправлении в Стокгольм особой депутации. Депутация должна была:

- 1) Выхлопотать освобождение города от содержания рекрутов.
- 2) Испросить деньги на расходы по производённому переустройству крепостных верков, по содержанию городского войска, а также на уплату за закупленный хлеб.
- 3) Испросить крайне необходимые крепости 24 единорога, двенадцать 16–18-фунтовых мортир, восемнадцать 12–18-

фунтовых камнемётов (Schrotstücke), 2 000 центнеров пороху, 30 морских фунтов селитры и т.д.

- 4) Беспшлинный провоз из Курляндии, из Ангерна, гранат и ядер (бомбы).

Депутаты были приняты в Стокгольме не очень любезно: их осыпали упрёками, почему город своевременно не позаботился о всём необходимом; двое из них даже были задержаны в Швеции. Шведское правительство уважило лишь одну просьбу — разрешило беспшлинный провоз артиллерийских снарядов из Ангерна.

По прибытии в Ригу вновь назначенного генерал-губернатора графа Штрюмберга начались работы по приведению в боевую готовность городских укреплений под руководством городского инженера капитана Пургольда. Было обращено особое внимание на скорейшее сооружение кавальера (*фортификационная постройка для стрельбы поверх фаса бастиона и для большего обзора*) на Блинном бастионе (на месте нынешнего Оперного театра). Приступили к уничтожению Кобершанца и домов на западном берегу Двины, которые могли бы доставить противнику укрытие. Разрушены также были и дома, находившиеся за палисадом, окружавшим форштадты. Квартировавшие в этих домах воинские команды были переведены непосредственно в форштадт. Плавучий мост, соединявший Кобершанец с Ригой, решено было перевести к городскому берегу, но до разрушения укреплений Кобершанца и возвращения назначенных для этого команд, мост пока не разводили.

Городские войска по приказанию генерал-губернатора были разделены на 4 отделения; каждое из них должно было занимать особую общую квартиру, имея при себе знамя и полное вооружение.

Для наблюдения за приближением противника на башню Домской церкви были выставлены сторожа, как это уже было в 1700 году, во время блокады города польско-саксонскими войсками. Сторожа в подзорную трубу должны были осматривать окрестности и все свои наблюдения, написанные на бумажке, бросать вниз в деревянных ша-

СПРАВКА ОТ МУЗЫ КЛИО

Кобершанец — земляное укрепление (шанц). Было построено шведами во время осады Риги в 1621 году на левом берегу Даугавы, у прежнего устья р. Марупите. На этом месте находилась Красная башня (снесена в 1642 г.). Укрепление названо именем её строителя — шведского полковника Коброна. Имело оно и другие наименования (Ораниенбаумский шанц,

Шанц Петра I). Перестроен в 1641 году по нидерландской системе, были сооружены бастионы, рavelины, вырыт ров. Территория западнее Кобершанца (Торнякалнские луга, которые весной заливались наводками) в XVIII веке стала эспланадой, здесь запрещалось возведение любых сооружений. Был восстановлен и расширен в 1810 и 1854 гг. В 1868 году рядом с Кобершан-

цем была построена ж.-д. линия Рига–Митава, а в 1873 г. через него пролегла ж.-д. линия Рига–Туккум. В конце XIX века Кобершанец частично срыли и разрушили, а часть рвов засыпали. Вдоль укрепления и через эспланаду были проведены новые дороги и улицы. В 1908 г. отменён запрет на застройку эспланады. Позднее Кобершанец полностью ликвидировали.

риках. Стоявший внизу солдат поднимал эти шары и доставлял их в городской совет. Вскоре такой же наблюдательный пост был устроен и на вышке городской ратуши (думы).

Ежедневно городской совет должен был посылать одного из своих членов за паролем к вице-губернатору.

В городе были установлены твёрдые цены на жизненные продукты.

Все подозрительные лица высылались из города, прибывающие в Ригу, должны были немедленно являться к коменданту.

Время от времени, вместе с выражением верности, городские депутации не переставали ходатайствовать перед генерал-губернатором об уменьшении квартирных, денежных, продовольственных и других повинностей. Просьбы эти, конечно, успеха не имели и только портили отношения между генерал-губернатором и городом, что в свою очередь невыгодно отражалось на общем деле — защите крепости.

Движение корпуса Шереметева к Риге

После Полтавской победы русская армия временно оставалась у Полтавы; однако, в виду начавшегося зловония от множества разлагающихся тел, она принуждена была 13 июля перейти к м. Решетиловке на р. Голтве.

Отсюда части, входившие в состав корпуса Шереметева, выступили по назначенным дорогам к Риге:

- 1) Дивизия генерала Алларта — 14 июля,
- 2) Дивизия генерала князя Репнина — 15 июля.

В эти же дни двинулись генерал-лейтенант Ренцель с дивизией фельдмаршала князя Меншикова и генерал-поручик Баур со своей конницей. С началом марша конница была распределена по дивизиям: 2 полка следовали при дивизии князя Репнина, 3 полка при дивизии Алларта и 3 полка при дивизии князя Меншикова.

Командующий корпусом фельдмаршал Шереметев выступил 16 июля.

30 июля письмом из Нежина он докладывал Петру I:

«Господам генералам, командующим при дивизиях, я письменно предложил, дабы марш свой имели два дня по три мили, а третий день для успокоения стояли; а я путь свой имею перед дивизиею генерала Алларта».

Тем же письмом доносилось, что посланы «подтвердительные указы по всем трём дивизиям к генералам, дабы исполняли и всякое осмотрение в марше чинили против Вашего Царского Величества указу». Для поддержания дисциплины в армии принимались весьма крутые меры — за попытку

бежать солдат Вологодского полка «на страх прочим» был немедленно расстрелян.

Для облегчения марша дивизию князя Репнина предположено было по достижении Витебска или Полоцка посадить на суда и направить далее по Двине. Для заблаговременного сбора судов был послан состоявший при Шереметеве генерал-адъютант Савелов, который и должен был непосредственно известить князя Репнина о месте сбора судов.

Следовавшие при дивизии Репнина два драгунских полка, под командой Баура, по посадке дивизии на суда, должны были двигаться правым берегом Двины.

При дивизии же князя Репнина следовала и артиллерия. Так как дивизия с получением извещения генерала Савелова должна была свернуть со своего колонного пути к пункту посадки на суда и отделиться, для прикрытия артиллерии были назначены 2 полка пехоты и один драгунский полк из состава конных частей, следовавших при дивизии генерала Алларта. Вскоре последовал указ Петра о посадке на суда и артиллерии с амуницией. По распоряжению Шереметева артиллерия должна была грузиться тотчас по посадке подразделений князя Репнина.

К 6 сентября дивизии прибыли: князя Меншикова — в Несвиж, генерала Алларта — в Слуцк, Репнина подходила к Борисову. Артиллерия со своим прикрытием (Нарвский и Каргопольский пехотные полки и Новотроицкий драгунский) была на пути к Минску.

Предвидя, что по прибытии в Курляндию, войска ожидает недостаток в провианте, Шереметев приказал приложить все усилия к сбору такового, чтобы иметь запас по крайней мере на месяц. Распоряжение это, с большим трудом смогли выполнить лишь первые две дивизии, дивизия же князя Репнина, едва могла обеспечивать себе текущее довольствие. Солдаты должны были сами жать себе хлеб и собирать провиант, так как все попутные деревни оказались оставлены жителями. Кроме продовольственной нужды ощущался сильный

недостаток и в деньгах. Шереметев неоднократно доносил: что *«как офицеры, так и солдаты в даче жалованья великое оскудение имеют и не получили своего оклада полного числа на июнь, а на июль и сей август месяц ничего, а некоторые полки были в отлучении и на многие месяцы не получали; а у комисарства в привозе денег не обретается»*.

Предположения Шереметева о трудности продовольствования войск в Курляндии начали быстро подтверждаться, в сентябре имелись уже точные сведения, что шведы опустошают Курляндию и польскую Лифляндию. Тогда Шереметев выдвинул вперёд полковника Вятского драгунского полка Грекова с 700 драгун, снабдив его «обнадеживанными универсалами» к местным обывателям о скором прибытии русских войск.

Полковник Греков имел поручение попутно заготавливать провиант и другие продовольственные запасы в тех воеводствах и поветах, где будут останавливаться русские дивизии. Энергичные меры по заготовке провианта не остались без результата. Для дальнейшего обеспечения Шереметев отдал распоряжение, чтобы продовольствие, собранное с Витебского и Полоцкого воеводств и Оршанского повета, было подготовлено к сплаву водой по Двине, причём, в случае недостатка судов, приказано было заготовить для этой цели плоты.

Движение войск крайне затруднялось начавшимися дождями, благодаря чему и без того дурные лесные дороги обратились в сплошную грязь.

В полках имелся большой некомплект личного состава и Шереметев настоятельно просил о присылке рекрутов из Москвы.

5 октября войска достигли: дивизия князя Меншикова — окрестностей м. Вобольники, дивизия Алларта — м. Дрисвяты, дивизия князя Репнина, посаженная на суда в Дзизне (Дисне) — г. Динабурга (Двинска); артиллерия, следовавшая также водою по Двине, миновала Полоцк.

Главная квартира Шереметева занимала местность Подрукши (Рукшты).

Прибывшему из Динабурга в Подрукши генералу Бауру Шереметев приказал с 4-мя дра-

гунскими полками и донскими казаками, под начальством Лобанова, двинуться правым берегом Двины к Риге, с целью произвести поиск (разведку) и захватить важнейшие дороги («пасы заступить»), ведущие к городу. Кроме того, Бауру было указано иметь хорошее обращение с лифляндским дворянством, которое осталось в своих поместьях, не причинять им обид и не брать продовольствия больше указанного количества. Последнее распоряжение не без некоторого основания, главным образом относилось к казакам. Шереметев опасался, как бы при тяжёлых для войск продовольственных условиях, при полном безденежье, не подверглись обидам те из лифляндских дворян, которые пока ещё не открыто, через третьих лиц, но уже обещали оставаться в своих имениях и заготавливать продовольственные припасы для подходивших русских войск.

Для производства разведки в Курляндии ещё 27 сентября был послан генерал-майор князь Волконский с 3-мя драгунскими полками. Попутно с разведкой ему было поручено также отыскивание магазинов с провиантом и другими запасами.

Письмом от 5 октября Шереметев испрашивал указаний Петра I о характере дальнейших действий по сосредоточению дивизий в Курляндии и в то же время отправил своего генерал-квартирмейстера для выбора места для лагеря и определения района для зимних квартир, занятие которых должно было состояться лишь по получении особого разрешения царя. К концу октября войска заняли указанные им районы:

- 1) дивизия Алларта — г. Бауск,
- 2) дивизия князя Репнина — Новую Ригу (Нейгут),
- 3) дивизия князя Меншикова — г. Туккум и Пильтен.

Главная квартира Шереметева с 3-мя драгунскими полками расположилась в мызе Балдон. Генерал Баур с 4-мя драгунскими полками и казаками, двигавшийся к Риге правым берегом Двины, расположился на расстоянии 3–4 миль (20–28 вёрст) от города.

Первая высланная Бауром к Риге партия напала на неприятеля в числе 300 человек; шведы были отброшены в форштадты, потеряли 34 человека убитыми, пленными одного ротмистра и 3 солдат. За этим первым успехом последовал целый ряд других; так 26 октября русские солдаты преследовали неприятельский отряд в 100 драгун до самой Двины, причём снова были взяты пленными: прапорщик и 10 драгун. Участники стычки донесли, что шведы зажгли форштадты.

Блокада Риги отрядом князя Репнина

5 октября 1709 года рижане слушали благодарственный молебен в память счастливого освобождения от осады русскими в 1656 году, тем более, что им предстояла теперь новая осада. 22 октября, было получено известие о приближении неприятельских войск к Риге.

Шереметев полностью обложил рижскую крепость 10 ноября 1709 года. Ввиду наступления холодного времени и поскольку указаний от Петра так и не было получено, Шереметев решил временно оставить войска в занятых ими районах, для непосредственной же блокады Риги сформировать сводный отряд, назначив для этого по 2 000 человек от каждой дивизии, под командой генерала Алларта, генерал-лейтенанта фон Вердина, генерал-майора Шенка и бригадира Головина.

Этот отряд должен был сосредоточиться в Балдон-мызе, откуда, имея впереди 3 кавалерийских полка князя Волконского, Шереметев предполагал двинуться для личного осмотра Риги.

Целью поездки Шереметева ставилось: выбор места для наведения моста выше Риги и устройство у него предмостных укреплений, а также выбор места для устройства батарей по обоим берегам реки, как для прекращения сообщений Риги с Динамюндом, так и с возможным прибытием подкреплений морем. «Обнадеживанные универсалы», распространяемые среди лифляндского населения, которыми дворянство приглашалось к подчинению русскому царю, пока успеха не имели; по этому поводу Шереметев доносил Петру:

«Универсалы обнадеживанные в Лифляндию шведскую от меня давно посланы, токмо ещё по сие время никто из дворянства не явился, а некоторые являются малое число из посполитства, о которых я генерал-лейтенанту Бауру предложил, дабы он их в добром охранении держал и никаких обид не чинили и кроме провианта не брали».

Успеху «универсалов», возможно, несколько вредили принятые рижским генерал-губернатором меры того же характера. 22 октября он выпустил воззвание к Лифляндскому дворянству, убеждая его оставаться верным Швеции, обещая скорое прибытие шведских войск. В самой Риге на городских воротах и на других заметных местах были вывешены генерал-губернаторские «предупредительные плакаты», в которых указывалось не склоняться на уговоры врага к измене. Эти плакаты были прочитаны также и в городских церквях.

Занятие Кобершанца

Рижским генерал-губернатором было решено оставить Кобершанец и разрушить его укрепление. Решение это было известно Шереметеву через лазутчиков — оно подтвердилось и особо высланной к Кобершанцу партией.

Утром 28 октября к Кобершанцу подошла кавалерия князя Волконского (*По дневнику Гельмса — 29 октября. Разница в датах происходит оттого, что принятый русскими календарь отставал на один день от изменённого шведского юлианского календаря. Поэтому шведы считают, что капитуляция Риги состоялась не 4, а 5 июля*). Гарнизон шанца почти не оказал сопротивления. Около 11 часов он был поддержан огнём с Мазельского бастиона (из главной крепости), оказавшегося, однако совершенно безвредным для русских. После нескольких выстрелов из шанца к вечеру того же дня он был оставлен шведами. Они наскоро успели разрыть куртину, разобрать мост, соединявший шанец с городом, и отошли в крепость. Успеху князя Волконского в некоторой степени содействовал почти одновременный набег Баура на правый берег Двины; он в тот же день едва не ворвался

в Рауенские ворота, ведущие в форштадт, навёл на форштадтских жителей панику и заставил их бежать в город.

Результатом этого набега явился приказ генерал-губернатора окончательно выжечь форштадты: таким образом, население Риги вновь увеличилось на несколько сотен голодных, обездоленных и совершенно бесполезных для обороны людей. При скудных запасах крепости это, конечно, было крайне чувствительно.

Оставленный Кобершанец заняла подошедшая русская пехота (1 000 человек). Разрытая шведами куртина была немедленно исправлена.

Прибывший к Кобершанцу фельдмаршал Шереметев, в сопровождении генерал-поручика Брюсса осмотрел расположение рижских укреплений. Было ясно, что бескровное занятие Кобершанца давало русским большое преимущество; они прочно утверждались на левом берегу Двины, имели сильное готовое укрепление, из которого удобно обстреливался город и Двинский фарватер. Однако, в виду задержки артиллерии и наступивших холодов, приступить к решительным действиям было ещё невозможно.

В этих условиях было весьма важно не дать возможности подкрепить Ригу помощью извне. Она могла прибыть или через Динамюнд, что с занятием русскими Кобершанца и левого берега Двины становилось уже затруднительным, или же со стороны Пернова, где могла произойти высадка шведских войск, и особенно из Ревеля, где стоял довольно сильный шведский гарнизон.

Прозорливость Петра, быстро оценившего обстановку, в данном случае проявилась во всём блеске.

Находясь за границей (после Полтавской победы Пётр отправился в Киев, а затем в Торн для свидания с польским королём Августом II и заключения нового союзного договора) и в то же время зорко следя за ходом событий у Риги, он предписал Шереметеву принять все меры для полной изоляции крепости. Генералу Бауру было приказано установить ряд постов от Риги до Дерпта

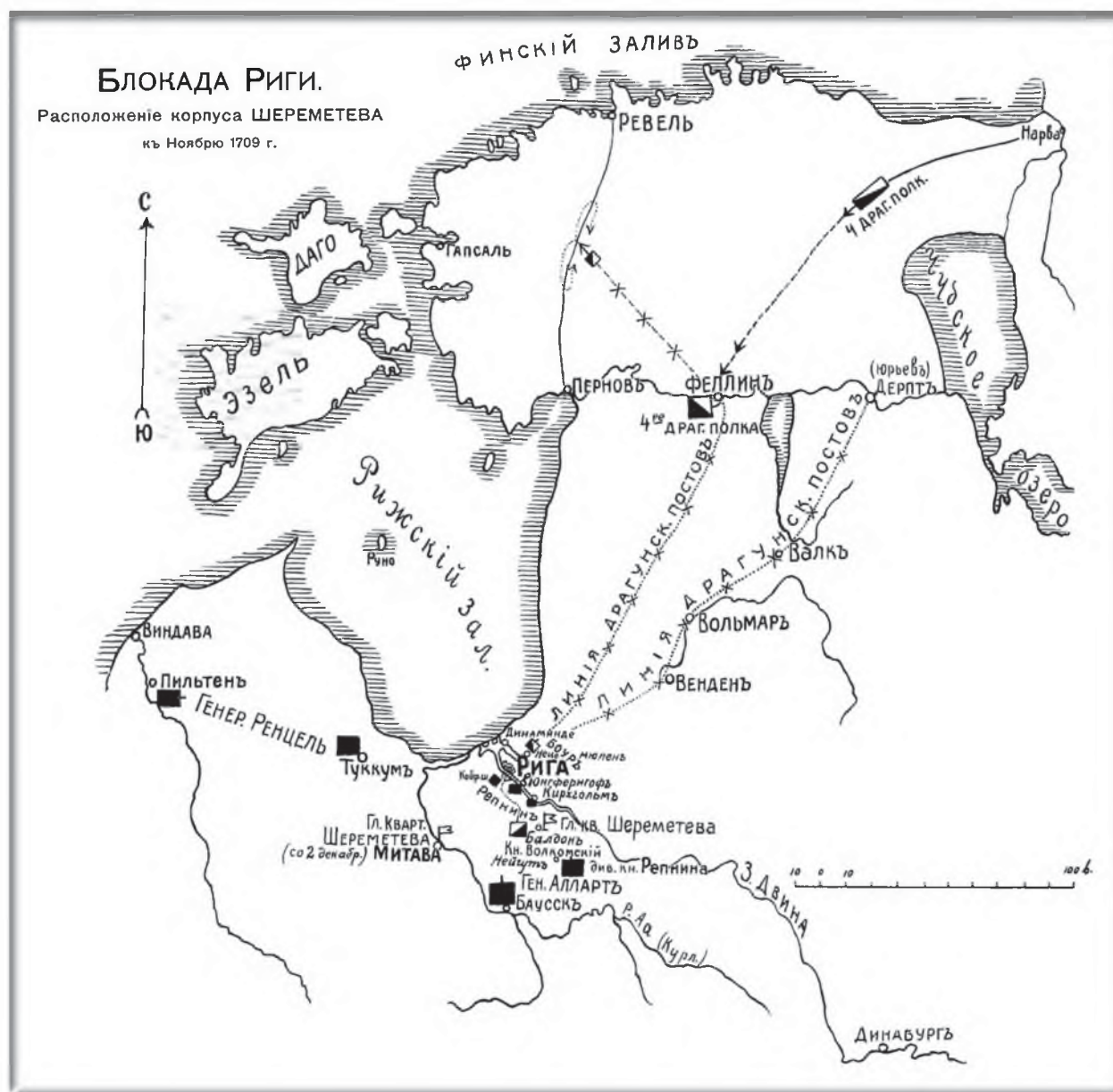

Схема из книги В.Г.Болдырева

через каждые три мили; на этих постах указывалось собрать по двадцати подвод, а за неимением таковых поставить казаков, и кроме того, по тридцати человек драгун, а на более опасных постах по 40 и даже 50 драгун. Общее командование над постами возлагалось на особо назначенного штаб-офицера. Для пресечения сообщений Риги с Ревелем в Новом Млыне (Нейермюлен) были поставлены 2 драгунских полка и 300 казаков. Для той же цели было приказано 4 драгунских полка, находившихся в Нарве, перевести в Лифляндию. Они должны были занять Феллин и выставить сильный пост в м. Валеце, на пути из Пернова

в Ревель. Для своевременной поддержки полков, назначенных в Феллин, а главное поста в Валеце, Бауру и Чекину было приказано установить драгунские посты, как между этими пунктами, так и между отрядом Баура и полками, занимавшими Феллин. Для заблаговременного отвода квартир и сбора провианта в Феллин был послан Зыбин, снабжённый «универсалом» за подписью Шереметева. В то же время начались энергичные работы по постройке моста и укреплений у Юнгфернгофа и батарей на обоих берегах Двины, между Ригой и Динаминдом. Назначенный для временной блокады Риги сводный отряд, подчинённый

затем князю Репнину, по прибытии к Риге, расположился следующим образом:

- 1) 2 000 человек, под командой полковника Солнцева, в Юнгфернгофе;
- 2) 1 000 человек в Кобершанце, под командой полковника Фливерка (фон Финикберг);
- 3) 500 человек, под командой полковника Воейкова, в Кирхгольме (Саласпилс), где имелось старое укрепление. В нём была поставлена полевая артиллерия со своей амундией.

Остальные 2 500 человек составляли резерв и расположились вблизи Юнгфернгофа.

Приезд Петра к осадному корпусу к Риге

9 ноября, около 5 часов ночи, в лагерь осадного корпуса прибыл из Мариенвердера через Курляндию Пётр I.

14 ноября он уже посетил Кобершанец, который в честь царя был назван Петершанцем, и в тот же день около 5 часов утра из 3 мортир, поставленных на батарее, возведённой на берегу Двины, несколько ниже Кобершанца, он собственноручно выпустил три бомбы в осаждённый город, чем положил начало бомбардировке.

По этому поводу царь писал князю Меншикову и своим министрам при иностранных дворах: *«Сего дня о пятом часу по полуночи бомбардирование началось Риги и первые три бомбы своими руками в город отправлены, о чём зело благодарю Бога, что сему проклятому месту сподобил мне самому отмищения начало учинить»*. Бросая первые три бомбы в город, Пётр вспоминал нелюбезность Риги во время его первого посещения этих мест в 1697 г. Батарея, с которой велась пальба, находилась чуть выше нынешней Троице–Задвинской церкви в рижском Задвинье.

Считается, что ядро, вмурованное в стену Колонного зала Музея истории Риги, принадлежит к снарядам, посланным в город самим Петром. В 1786 году живописец Гейдтман изобразил по наброску барона Будберга вокруг этой бомбы карти-

ну, на которой аллегорически изображены благотельные последствия завоевания Риги и Лифляндии Петром. Правда, согласно дневнику Гельмса, первые русские ядра не долетели до города и упали в реку...

На следующий день Пётр I в сопровождении Шереметева и польского воеводы Огинского, с берега Двины произвёл личный осмотр рижских укреплений и расположение форштадтов. По его свите была открыта сильная пушечная пальба с крепостных верков, к счастью не имевшая никаких результатов. Ознакомившись лично с положением дел у Риги, царь в тот же день, 15 ноября, отбыл в Петербург, приказав Шереметеву пока ограничиться блокадой и не вести правильной осады.

Следует отметить, что Пётр как полководец, в общем оценен недостаточно. Гигантская общегосударственная, реформаторская деятельность заслоняла перед умственным взором историков его руководящую роль в военных событиях. Пётр был душой русского верховного командования, он исправлял много раз промахи Шереметева, Репнина, Боура, Меншикова и Апраксина, не говоря уже об Огильви. Даже в самой краткой характеристике Петра, сделанной В.О.Ключевским в IV томе его известного «Курса русской истории», читаем: *«... он редко становился и во главе своих полков, чтобы водить их в огонь, подобно своему противнику Карлу XII»*. Сделав неизбежную, конечно, оговорку о Полтаве и Гангуте, Ключевский продолжает: *«Предоставляя действовать во фронте своим генералам и адмиралам, Пётр взял на себя менее видную, техническую часть войны; он оставался обычно позади своей армии, устраивал её тыл, набирал рекрутов, составлял планы военных движений, строил корабли и военные заводы... всех ободрял, понукал, бранился, дрался, вешал, скакал из одного конца государства в другой, был чем-то вроде генерал-фельдцейхмейстера, генерал-провиантмейстера и корабельного обермастера»*.

2 декабря вернулся в свою главную квартиру, перенесённую из Балдон–мызы в Митаву, и фельдмаршал Шереметев; под Ригой во главе сводного

Пётр I в Риге (фрагмент). Картина написана на стене, в которую вмурована знаменитая бомба, по преданию выпущенная по городу самим царём. До сих пор не утихает спор по поводу того, действительно ли те выстрелы достигли цели, или же петровские пушечные ядра утонули в Двине, не долетев до рижских укреплений. Во времена написания картины (1786 год), прошло ещё не слишком много времени, чтобы свидетельства очевидцев стали далёким полузабытым прошлым.

отряда был оставлен князь Репнин, поселившийся в Юнгфернгофе.

Таким образом, правильная осада и штурм были признаны пока преждевременными — начался измор, который при перерыве сообщений Риги с окружающим миром и небольших жизненных запасах вскоре сделался весьма чувствительным. Непонятной остаётся инертность гарнизона: будучи значительно сильнее князя Репнина, генерал-губернатор Штромберг кроме частичных вылазок главным образом, против назойливых партий Баура, ни разу не попытался обрушиться на русский блокадный отряд и тем нанести Шереметеву чувствительный ущерб и, по крайней мере, открыть сообщении с Динамюндом.

На что надеялся граф Штромберг? На прикрытие подкреплений? Но эта надежда должна была слабеть с каждым днём по мере того, как русские укреплялись на обоих берегах Двины. Отсиживать-

ся, прикрываясь сильными укреплениями? Но и это было лишь отсрочкой катастрофы — голод, а за ним болезни, как грозные признаки, уже витали над осаждённым городом.

Любопытный пример, характеризующей весьма своеобразные отношения осаждённого и осаждающего, приводит Рихтер в своей «*Geschichte der deutschen Ostseeprovinzen*».

Зимой, когда в Риге обнаружился серьёзный недостаток съестных припасов, генерал Баур прислал графу Штромбергу целый воз дичи и получил в свою очередь вино, нагруженное на ту же телегу. Враги, по-видимому, не прочь были оказать друг другу рыцарскую любезность.

В начале декабря русские закончили постройку всех предположенных укреплений; все войска, как докладывал Шереметев царю, содержались «в добром состоянии». Продовольственные затруднения, однако, принудили увеличить квартирные

районы, пришлось затронуть и часть Литвы (поветы Вилькомирский и Ковенский). Офицерский дневной порцион состоял тогда из 2 ф. хлеба, 2 ф. мяса, кварты пива. Крупа и соль выдавались на месяц по 1 гарнцу. Количество порционов зависело от чина.

Бомбардировка Риги, начатая Петром, становилась всё более и более чувствительной для осаждённых. Иоаким Гельмс в своём *«достоверном описании замечательных событий по осаде города Риги»* добросовестно отмечает всё пережитое городом и населением. Он упоминает, как 15 ноября *«неприятель продолжал бомбардирование целый день: в соборную церковь ударило две, в церковь Св. Петра одна бомба, а именно в 8 часов, когда прихожане были ещё в церкви, что причинило такой страх, что многие от страха умерли»*. По уверению его *«доброего друга»* в этот день в город было брошено до 150 бомб. *«Многие набожные отцы семейств, — отмечает он 21 ноября, — заключили сегодня со слезами и рыданием старый церковный год в погребках и домах, так как неприятель не допустил нас совершить это в настоящих Божьих храмах»*. День 13 декабря, по словам Гельмса, заслуживает быть записанным у всех в сердцах железным грифелем, как один из самых бедственных для Риги. В этот день, в 10 часов утра, загорелась находившаяся в цитадели пороховая башня, где хранилось до 1 200 бочек пороху, рядом была другая башня, в ней было до 1 800 бомб, гранат и пушечных ядер. Всё это со страшным гулом взлетало на воздух. Цитадель была разрушена, обвалилась также часть вала с Двинской стороны, пострадали и ближайшие городские здания. Более 1 000 человек были погребены под развалинами цитадели.

Пролом, образовавшийся от взрыва, был спешно заложен тройным рядом рогаток и штурмфалов (наклонный палисад).

Со дня на день увеличивалось число дезертиров из Риги, все их показания рисовали положение города в весьма мрачных красках. Невесело заканчивает и Гельмс свой дневник за 1709 год: *«Итак, мы закончили 1709 год с большим страхом и обильными слезами о предстоящей ещё опасности»*.

1710 год

С наступлением нового года в крепости почувствовался недостаток в хлебе и других продуктах, за отсутствием фуража начали пристреливать лошадей, что в значительной степени уменьшило и без того слабую кавалерию осаждённого гарнизона.

Ночью 14 января была произведена первая большая вылазка отрядом до 4 000 человек пехоты и конницы под командой вице-губернатора генерал-майора Клодта. Отряд этот имел намерение атаковать Юнгфернгоф, но дойдя до русских драгунских форпостов, ни с чем вернулся опять в крепость.

В феврале недостаток в провианте принял уже угрожающие размеры, лошади от истощения и бескормицы падали на улицах. Генерал-губернатор должен был принимать крайние меры для продовольствования гарнизона. Между тем бомбардировка велась непрерывно, опустошала город, многие здания обратились в груды камней. Страх и смятение закрадывались в души горожан. 22 февраля в Ригу упали четыре неразорвавшиеся бомбы, в каждой из них было 3–4 записки следующего содержания: *«Верные известия и написанные без всякой лжи: 10 февраля 1710 года в русский лагерь прибыл курьер с известием, что войска его Царского Величества с мечом в руках завоевали крепость Эльбинг. По этому случаю 12 февраля был празднован великий триумф в Московитских шанцах: целый день стреляли. После этого триумфа из Москвы в Юнгфернгоф прибыл курьер с радостным известием, что турецкий султан прислал подписанные трактаты мира ещё на 20 лет. Он выдаёт короля шведского головою его Царскому Величеству, ради чего в русском лагере праздновали одинаково и 19 февраля и стреляли не только из орудий, но и из ружей»*.

Известия эти произвели сильное впечатление. Чтобы подбодрить гарнизон и население, а главным образом опровергнуть вести из русского лагеря, генерал-губернатор 2 марта объявил, что им получено письмо от Стокгольмского сената, в котором сообщалось, что его королевское величество заключил с великим султаном наступа-

тельный и оборонительный союз и уже выступил со 100 000 христианских невольников, с которыми и придёт на помощь стеснённой Риге, лишь только на полях будет корм для лошадей.

Объявление генерал-губернатора принесло мало утешения; наоборот, неприязнь между ним и бюргерами увеличивалась всё более и более. В виду недостаточной выдачи городом продовольствия для гарнизона граф Штромберг грозил городскому совету ответственностью перед шведским королём, который во всяком случае не оставит Ригу в русских руках; грозил, что в случае сдачи русские всё равно найдут, где спрятаны у жителей припасы. Наконец, в мае месяце генерал-губернатор задержал собранный в подвале ратуши городской совет на 2-е суток, с тем, чтобы он дал утвердительный ответ: будет ли поставлено гарнизону 1 500 пур хлеба и выдано 4 000 талеров. Освобождённый через 48 часов совет так и не дал утвердительного ответа, т. к. находил требование генерал-губернатора совершенно невыполнимым и готов был клятвенно подтвердить верность своих показаний об имевшихся в городе запасах.

С наступлением весны в русском лагере началось заметное оживление. 11 марта к Риге прибыл Шереметев. К этому времени заканчивались и к 22 марта были готовы батареи, возводимые на обоих берегах Двины, между Ригой и Динамюндом. Лесные и прочие материалы для оборудования батарей и артиллерия с амуницией, как только очистилось низовье Двины были на стругах спущены от Юнгфернгофа. Спуск производился по ночам без всякого затруднения со стороны крепости.

Батареи эти были заняты: на левом берегу отрядом полковника Ласси, в 1 000 человек и 11-ю 18-ти и 12-ти фунтовыми пушками; на правом — командиром Московского пехотного полка полковником фон Финикбергом, с 500 москвичей и 11 пушками (18 и 12-фунт.).

Остров между батареями был занят отрядом в 300 человек и 10 пушками (8 и 6-фунт.) под командою майора.

Кроме того, как только прошёл Двинский лёд, в распоряжение полковника Ласси был командирован подполковник Киевского пехотного полка Клячковский с 700 гренадер и солдат, посаженных в лёгкие лодки. Задачей этого отряда было воспрепятствовать подходу подкреплений со стороны Динамюнда и перерыв сообщений этого пункта с Ригой, а также обеспечение возведённых батарей от неожиданного нападения подошедшего водой неприятеля. В распоряжение подполковника Клячковского для разъездов и в гребцы было назначено также на лодках ещё 300 человек донских казаков.

Противник по-прежнему бездействовал: только 29 марта было получено известие, что 6 небольших судов, вооружённых каждое 2 малыми пушками, выходят из Риги по направлению к Юнгфернгофу. Суда эти имели намерение выбить небольшой русский отряд в 100 человек, занимавший остров на Двине и имевший назначение препятствовать проходу рижских судов. Гарнизон Юнгфернгофа был наготове, и попытка неприятеля отбита пушечным огнём с упомянутого острова. Храбрый капитан, командовавший русским отрядом, был ранен и потерял убитыми 5 и ранеными 12 человек; неприятельские суда вернулись обратно в город.

Этим незначительным эпизодом и заканчивается первый период осады.

II период осады — тесная блокада Риги

13 апреля, на военном совете у Шереметева, решено было подвергнуть Ригу «крепчайшей блокаде» и сосредоточить к ней весь осадный корпус. Кроме того, после личного осмотра Шереметева на урочище Гофемберг (*примерно в двух верстах от города вниз по Двине, к сожалению, этот пункт не удалось найти ни на одной из карт, хранящихся в рижских архивах*) для окончательного перерыва сообщения с Динамюндом решено было возвести ещё новое укрепление. Постройка его была возложена на генерал-адъютанта Савелова, в распоряжение которого были назначены подполковник Озеров с 1 000 человек и бывший в подчинении

полковника Ласси подполковник Клячковский также с 1 000 посаженных на лодки солдат.

15 апреля к Риге из Полоцка прибыл фельдмаршал князь Меншиков. Он привёз указ Петра относительно дальнейшей блокады и, между прочим, приказание принять все меры к полному прерыву сообщений с осаждённой крепостью.

Во исполнение указа царя, после совещания Меншикова с Шереметевым, решено было около начатого на Гофемберге укрепления устроить свайный мост через Двину, по концам моста возвести окопы, где поставить 24, 18 и 12-фунт. пушки для обстрела, как в сторону Риги, так и в сторону Динамюнда. Перед мостом были протянуты связанные цепями брёвна.

К этому времени к Риге подошли со своих зимних квартир дивизии: князя Меншикова, под командой генерал-лейтенанта Ренцеля, располагавшаяся в Юнгфернгофе, и генерала Алларта, ставшая за Двиной выше этого пункта. 29 марта части осадного корпуса были передвинуты к самой Риге — дивизия князя Меншикова к вновь построенному мосту, где и стала на обоих берегах реки. Из её состава было выделено: 1 000 человек для занятия укрепления на Гофемберге, 400 человек в редутах у концов моста, 200 человек в редутах для прикрытия мостового заграждения из брёвен, 1 000 человек в батарее на острове, 100 человек в батарее, ранее занимавшуюся полковником Ласси, и 100 человек в редутах у перевоза через Бальдераа. Дивизия князя Репнина была сосредоточена выше г. Риги и дивизия генерала Алларта — под «песчаными горами», против ветряных мельниц. По занятии войсками указанных мест, началось возведение на левом берегу Двины ниже Кобершанца линии редутов; на занятие этой линии из дивизий князя Репнина и генерала Алларта было выделено 1030 человек и поставлено 11 пушек. Вместе с тем на случай высадки неприятельских подкреплений было решено: если десант высадится у Динамюнда и двинется по направлению к Риге — встретить со всеми силами, оставив у города в апрошах лишь самое необходимое

число людей. При высадке противника у Пернова встретить его у Нового Млына (Нейермюлен). Осмотр путей и выбор позиций на указанных направлениях был возложен: от Динамюнда на князя Репнина и инженера Шахера и от Пернова на инженера подполковника Терсона. Общее командование над конницей и пехотой, расположенной по Двине, возложено было на генерала Рена.

30 марта были закончены все работы по постройке Гофембергского укрепления. После троекратного салюта из поставленных в нём пушек укрепление это в честь князя Меншикова было названо Александршанец. На картах 2-ой половины XVIII века и позднейших «Александршанец» показан на месте нынешней Александровской высоты, на северном берегу Зодаграбен в конце Выгонной дамбы. Весьма возможно, что там находилось и урочище Гофемберг. Противоречием является лишь указанное Е.В.Чешихиным расстояние «в 2 верстах от города», т. к. от старого города до Александровской высоты не менее 4 вёрст.

Меншиков оставался при осадном корпусе до 17 мая, затем отбыл в Петербург.

14 мая прибыл с артиллерией в Юнгфернгоф генерал-поручик Брюс. Началась спешная заготовка бомб, так как с постройкой новых укреплений расход их очень увеличился.

Моровое поветрие

Стягивая железное кольцо вокруг осаждённого города, зная его крайне стеснённое положение и полную бездеятельность гарнизона, Шереметев мог уже рассчитывать на близкий конец осады и сдачу крепости; однако, судьба, прежде чем доставить полное торжество русскому оружию, готовила славным полкам тяжёлое испытание. С 14 мая в осадном корпусе началось сильное моровое поветрие, занесённое из Пруссии. У заболевших распухали ноги, появлялись язвы на теле и почти все заболевания кончались смертью. Приняты были самые энергичные меры — заболевших со всеми их пожитками тотчас же отправляли в леса и в другие отдалённые места; были установлены заставы

на путях из Киева, Пскова, Нарвы, Пруссии и Курляндии, где задерживали всех подозрительных по чуме людей. Тем не менее болезнь продолжала свирепствовать; искусство полковых лекарей, часто ограничивавшееся умением брить бороду и пускать кровь, конечно, не могло бороться с ужасным злом, уносившим ежедневно десятки жертв. Сам царь Пётр, сильно обеспокоенный исходом осады и большими потерями в полках от чумы, требовал ежедневных и самых точных сведений как о ходе болезни, так и о распоряжениях по недопущению к Риге какой-бы то ни было помощи. Независимо от донесений фельдмаршала Шереметева, Пётр из Выборга, в письме от 16 июня 1710 года, просил Репнина: *«Для Бога дай правдивую ведомость — как начавшаяся болезнь и язвы ужли престают и также гораздоль осмотрено у Вас и расположено о сикурсе. Сие письмо никому не кажи»*.

Чума не прекращалась до декабря месяца, за это время корпус Шереметева потерял 9 800 человек.

Чума перенеслась и в осаждённый город, где в тесном единении с голодом устроила настоящее пиршество смерти. Многие, пощаженные неприятельскими бомбами, были скошены страшной немолимой болезнью.

Несмотря на отчаянное положение, многострадаальный город, однако, не потерял ещё надежды на спасение, всё ещё верил в возможность выручки извне.

Первый проблеск такой надежды появился ещё 28 апреля, когда последовало донесение генерала Ренцеля о подходе со стороны Динамюнда 9 шведских каперов. Суда эти имели намерение пробиться мимо русских укреплений к городу, но, обстрелянные из пушек и «мелкого ружья», принуждены были отойти назад. 29 мая к Динамюнду подошли ещё новых 8 шведских кораблей; сигнальные выстрелы об их прибытии возбудили в городе необычайную радость.

III период — атака Риги

Сильные потери в людях от болезней и возможность подхода морем неприятельских под-

креплений принудили в свою очередь Шереметева приступить к решительным мерам. Подтянув к Риге Ингерманландский и Астраханский полки дивизии князя Меншикова, Шереметев, по совету со всеми наличными генералами, решил овладеть рижскими форштадтами и тем окончательно стеснить Ригу, вогнав в неё уцелевших форштадтских жителей. Для атаки и овладения форштадтами были назначены два отряда: бригадира Штафа и полковника Ласси.

Отряду бригадира Штафа (в 1 100 человек), в который целиком вошёл весь Московский полк со своими полковыми пушками, приказано было наступать на Кубберг (холмы Куббе), где находились ветряные мельницы, занять эту гору и на ней окопаться. Затем в первую же ночь построить на ней укрепление, где могли бы безопасно держаться до 200 человек; 300 человек должны были составить общий резерв за этой горой; 500 человек назначались для прикрытия работающих и отражения вылазок неприятеля и 100 человек для переноски фашинов и туров. Для прикрытия флангов к отряду были приданы 2 эскадрона драгун.

Отряд полковника Ласси был такой же силы (кроме драгун) и имел задачей атаку форштадта с левой стороны вдоль берега Двины, где находились Ивановские ворота. При отряде Ласси были два инженера. К обоим отрядам было придано по 2 проводника из числа дезертиров, хорошо знакомых с форштадтами и окружающей местностью. Атака должна была начаться в 10 часов вечера 30 мая, после сигнала из 3-х мортир с Петершанца; к этому часу все части корпуса, заблаговременно извещённые об атаке, должны были быть в полной готовности на своих местах.

Час атаки наступил... Гулко пронеслись над Двиной сигнальные выстрелы и бригадир Штаф при пушечной пальбе по городу из всех русских укреплений, поддерживаемый войсками дивизии Алларта, имея впереди роту Московцев под командой капитана Василисова, быстро направился к форштадту. Ворвавшись в Рауенские ворота, отряд штыками выгнал из форштадта ошеломлённого

противника, в панике бежавшего в город, овладел двумя пушками, занял кордегардию у Рауенских ворот и 4 ветряных мельницы. В донесении говорилось: *«Во время атаки Московцы потеряли 5 убитых и 3 раненых нижних чина, да ранен прапорщик Иван Шапошников в правую ногу»*.

Далее, имея в виду штурм самой Риги, войска Штафа немедленно принялись за устройство апрошей и, несмотря на усиленный огонь из города, успешно продолжали свои работы.

Наступление полковника Ласси было задержано глубоким водяным рвом, окружавшим с этой стороны форштадт; воспользоваться имеющейся дамбой шириной в 3 сажени без надлежащей разведки было опасно — здесь могли быть заложены мины. В виду этого полковник Ласси повёл пока к этой дамбе линию траншей. От пушечного огня, открытого по его работам с городских верков, он потерял за 30 мая 2-х убитыми и 1 раненым.

На следующий день, 31 мая, против отряда Штафа была произведена сильная вылазка из города. Отряд в 600 человек пехоты и 80 человек конницы, под командой подполковника Горна, стремительно атаковал Московский полк, однако нападение было отбито с большими потерями для шведов, не менее 100 трупов лежало около русских окопов, но и Московцы понесли изрядные потери: был ранен командир полка полковник фон Финикберг, 1 поручик и 46 рядовых; убиты 1 капитан и 10 рядовых, один нижний чин пропал без вести.

По отражении вылазки шведов Московцы вместе с другими полками продолжали вести свои земляные работы и всё ближе и ближе продвигались к городу.

В тот же день полковник Ласси получил приказание двинуться со своим отрядом к упомянутой выше дамбе, войти в форштадт и приступить к устройству апрошей. Для отвлечения внимания противника ему должны были помогать с правого фланга 100 человек от дивизии Алларта, под командой капитана, и с левой стороны капитан-поручик с 50 нижними чинами и казаки. К вечеру от-

ряд с обнажёнными шпагами перебежал дамбу и на плечах бегущего противника ворвался в форштадт. Части отряда точас же приказано было укрепиться на дамбе, другая же часть вместе с Ласси заняла уцелевшие дома форштадта. Несмотря на жесточайший огонь противника, оба русские отряда прочно держались на занятых позициях.

Между тем к Динамюнду подошли ещё 6 шведских кораблей — это вновь подогрело почти угасшую надежду на выручку; в городе ещё надеялись на помощь короля, ждали его прибытия к Динамюнду; ходили слухи, что скоро прибудет подкрепление из Пернова, что генерал Крассау идёт через Литву на помощь к Риге. Но всё это была лишь иллюзия, предсмертный бред изнемогающего от голода, чумы и неприятельских снарядов города. Правда, 1 июня 6 шведских кораблей, вооружённых небольшими пушками, пытались обстреливать наши апроши, возводимые в форштадте, но вреда никакого не причинили; скоро пушечный огонь из Петершанца заставил их уйти назад.

К 4 июня, несмотря на жестокую стрельбу и довольно значительные потери, русские отряды подошли апрошами под самые укрепления города.

5 и 9 июня была предпринята последняя попытка со стороны шведских кораблей оказать помощь осаждённому городу, окончившаяся полной неудачей. Вскоре они ушли в море, предоставив Ригу её собственной судьбе.

Для окончательного разгрома города, в первых числах июня, Шереметев приказал в занятом форштадте построить 3 батареи (недалеко от нынешней Александро-Невской церкви) и вооружить их 14 мортирами (три 9-ти пудовых и одиннадцать — 5-ти пудовых).

Осаждённый город изнемогал... захваченные в форштадте люди, а также дезертиры, в один голос говорили, что Рига испытывает крайнюю нужду — провианта нет, его силой отбивают у полуголодных жителей, в городе едят конину... наконец начали дезертировать часовые с городских валов, — они объявили, что в Риге «конечное во всём недовольство». *«Извне нам угрожает война, а вну-*

три голод и чума; наши люди начинают уже есть конину, а также и многие другие непотребные вещи, люди страшно валяются... Да поможет нам Всемогуций Господь, тогда мы будем спасены, человеческая же помощь бессильна», — так характеризует общее положение Гельмс. Однако, город ещё держался.

Начало мирных переговоров

К 11 июня были окончены все приготовления на вновь возведённых форштадтских батареях, батареи эти были снабжены большим запасом бомб.

До открытия бомбардировки Шереметев послал графу Штромбергу письмо, в котором, указывая на безнадежное положение города, рекомендовал начать переговоры о сдаче, на что давал срок одни сутки. В письме, между прочим, было указано, что фельдмаршал со дня на день ожидает известия о сдаче Выборга; в заключение он предупредил, что в случае отказа с крепостью будет «жестоко поступлено» и ни о каких соглашениях уже не будет и речи.

О полученном письме генерал-губернатор сообщил городскому совету, но никто не высказался определённо. Делались лишь запросы о припасах, о силе гарнизона и т. д. 12 июня, рано утром, граф Штромберг прислал Шереметеву с барабанщиком ответ, в котором говорил, что в данный короткий срок он не мог в достаточной мере обсудить с дворянством и прочими обывателями города столь важный вопрос: сдать ли Ригу, или же быть готовым к новому жестокому штурму. Шереметев согласился ожидать окончательный ответ до 9 часов вечера 14 июня. Все военные действия (стрельба и окопные работы) были приостановлены; однако 13 июня *«во все наши сделанные редуты к кеселям (батареям) бомб болии в запас приготовлено».*

В установленный срок генерал-губернатор ответил, что фельдмаршал ошибается на счёт истинного положения города, что крепость ещё может некоторое время держаться и что известию о взятии Выборга город не верит; вместе с тем граф

Штромберг просил разрешения послать 2-х своих курьеров в Динамюнд и Стокгольм с запечатанными конвертами, которые могли бы в запечатанных же пакетах привести из Швеции верные сведения о положении дел; если не последует на это позволения, он, генерал-губернатор, будет держаться до последней крайности.

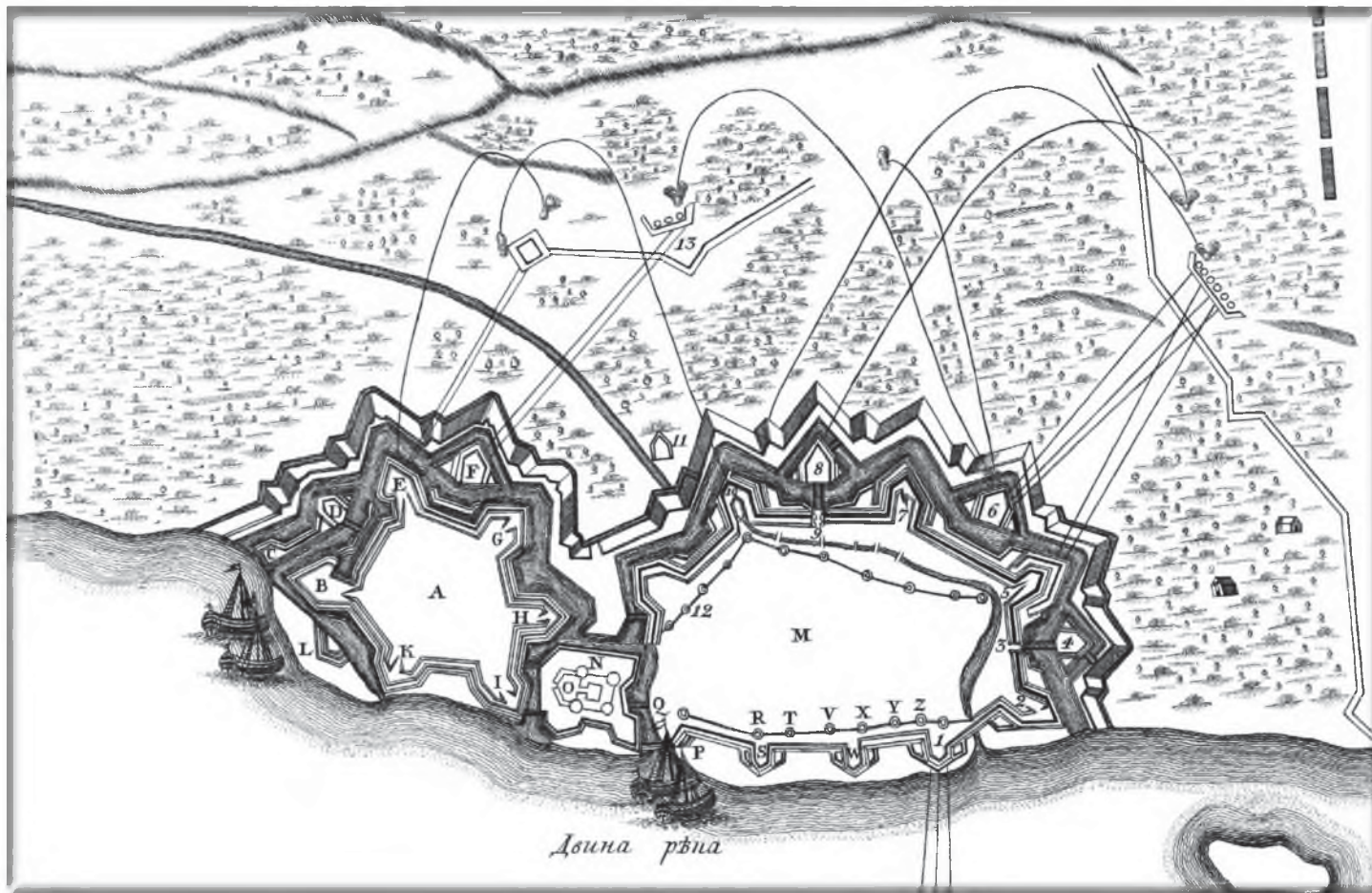
Страшная бомбардировка была ответом со стороны Шереметева; в течение 10 мучительных суток и днём и ночью он громил город из всех русских батарей, нанося страшные опустошения. Всего было выпущено 630 девятипудовых и 2 759 пятипудовых бомб.

24 июня граф Штромберг пытался вновь просить перемирия на 10 дней, ему было дано 48 часов. Судьба крепости решилась. 30 июня в лагерь Шереметева прибыли рижские депутаты: полковники Буденброк и Фитингоф, обер-аудитор Полус, представители дворянства капитан Паткуль и ассесор Рихтер, бургомистр Витте фон Нордек, эльтерманы гильдий фон Фегезак и Фробейс, привезшие составленные генерал-губернатором условия сдачи. С русской стороны в Ригу были посланы генерал-адъютант князь Барятинский, полковник Зимбурх и обер-аудитор Глебов.

Рижские депутаты ночевали в лагере фельдмаршала: для обсуждения привезённых ими пунктов были назначены бригадир Чириков и полковник Ласси.

По ознакомлении с условиями обеих сторон, рижские депутаты особенно протестовали против требования Шереметева: *«дабы прирощённые Лифляндцы остались в стороне Его Царского Величества и в крепости своей Его Величеству присягу учинили и подписались своими руками».* Однако, непреклонность фельдмаршала, подкреплённая угрозой подвергнуть крепость ещё сильнейшей бомбардировке, принудила принять русские условия.

4 июля, по подписании условий сдачи, Шереметев писал московскому губернатору Стрешневу: *«С Божьей милостью мне удалось с главным Лифляндским городом Ригой, который до сего времени*

План крепости Рига, взятой русскими войсками 4 июля 1710 г. Гравюра неизвестного мастера из «Книги Марсовой». 1766 г. (А — цитадель; N — замок; М — город-крепость; 13 — русские апроши).

никогда и никакими средствами не был взят и во всей Европе неприступной девственницей считался, обручиться и привести его, как невесту, к честному соглашению».

Отметим, что Борис Петрович лукавит, поскольку в 1621 году Ригу уже брали шведские войска короля Густава II Адольфа.

10 июля, согласно договорным условиям, выступили из Риги с распущенными знамёнами и барабанным боем остатки шведского гарнизона, во главе с генерал-губернатором. От 3-х рейтарских, 7 драгунских и 12 пехотных полков осталось офицеров и нижних чинов всего лишь 5 132 человека, из них 2 905 больных, которые и были через Динамюнд эвакуированы в Швецию. Способные к службе, походным порядком через Руен и Феллин, были отправлены в Ревель.

Шведским солдатам, по условиям капитуляции выходившим из города с орудиями, подняты-

ми знамёнами и при колокольном звоне, четырьмя русскими полками, под командой генерал-майора Айгустова, были отданы воинские почести.

Из состава шведских войск были задержаны, от полков рейтарских: Аифляндского, Адельсфана (Adelsfahne), Нияландского, Карельского и от пехотных: Выборгского и Карельского всего 250 человек и 12 знамён, которые по условиям сдачи считались уже подданными русского царя, так как провинции и города, из которых они сформировались, были уже завоёваны русским оружием.

От дворянства, магистрата, гильдий, купечества, чиновников остались в Риге, как русские подданные, всего 864 человек, не считая прислуги и рабочего люда. Остальным шведским подданным, кроме пожелавших остаться на русской службе, был разрешён свободный выезд на родину.

По сдаче города по распоряжению Шереметева было выдано провианту на 4 500 человек.

Приняты меры к очищению города от трупов и вообще к быстрому восстановлению правильной городской жизни.

11 июля в русском лагере был отслужен благодарственный молебен по случаю взятия «преславной рижской фортеции»: в этот же день Шереметев послал ландмаршалу (предводителю дворянства) письмо на немецком языке: «Как по соизволению Божию область Лифляндия с городом Ригию покорилась на основании заключённого сего условия Его Императорскому Величеству, то все сословия и в особенности дворяне должны принести присягу в верноподданство. Дворянство может быть уверено в милости и благоволении к нему Его Императорского Величества».

Песочные ворота. Через них в 1697 году въезжал Пётр, через них же в июле 1710 года победителями вошли в Ригу российские солдаты. Ворота находились примерно на пересечении нынешних *Z.A. Meierovica bulvāris* и *Kaļķu iela*. Рис. середины XIX века.

В ответ на это дворянство постановило сопровождать фельдмаршала при торжественном въезде его из лагеря в город.

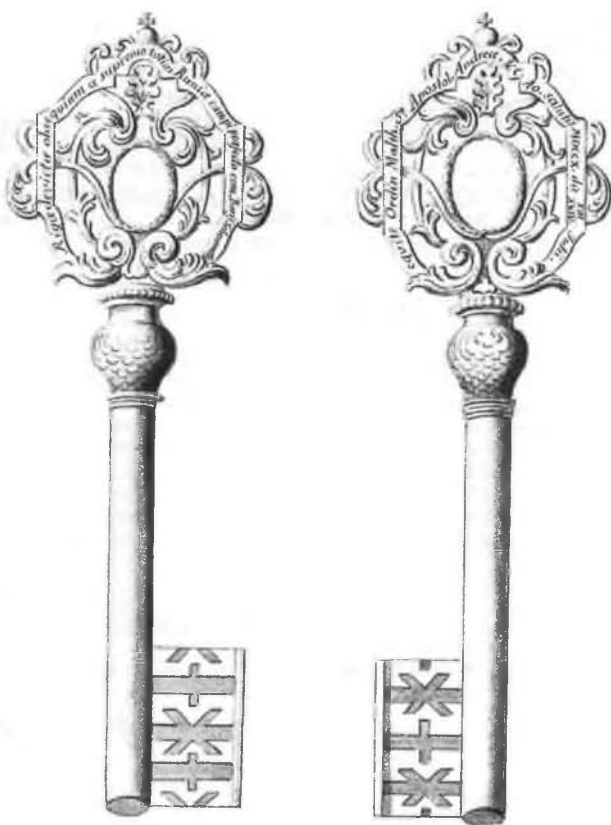
Граф Шереметев устроил блестящие празднества по случаю принесения городом присяги.

12 июля (Гельмс и Меттих отмечают этот день 14 июля), приняв у себя в ставке представителей дворянства и бюргерства, Шереметев, около одиннадцати часов утра, в сопровождении упомянутых представителей, русского генералитета и блестящей свиты, при пушечной пальбе из всех орудий, торжественно в золочёной карете, запряженной шестью конями, въехал через Карловские ворота в Ригу. Вместе с фельдмаршалом в коляске находился тайный советник барон Левенвольде. Перед коляской двигались трубачи и барабанщики, а сзади несли богато вышитый штандарт. Около кареты шли по-турецки одетые лакеи, затем снова шли и ехали трубачи на лошадях в жёлтых парчовых пополах, при этом стреляли из всех пушек.

При въезде в город магистрат, в благодарность за человеколюбивое отношение к населению города и сохранение его важнейших привилегий, преподнёс Шереметеву два золотых ключа, которые повелением царя Петра были сохранены за родом Шереметева.

По прибытии в замок, фельдмаршал был встречен дворянством, членами городского совета и духовенством. Затем, после приёма в королевских покоях замка генерал-губернатором, в замковой же церкви Шереметев принял присягу дворянства и духовенства. Перед присягой была произнесена проповедь супер-интендентом Либориусом Депкин на тему: «Несть власть еще не от Бога» и пропето: «Тебе Бога хвалим». После этого Шереметев со своей свитой прибыл на Ратушную площадь. Здесь, стоя на воздвигнутом возвышении около обтянутого красным бархатом и золотой бахромой стула, он принял присягу магистрата, старшин гильдий и всех бывших на площади граждан.

По окончании присяги на городских воротах и королевских палатах замка шведские гербы были заменены русским гербом.

Золотые ключи, поднесённые при сдаче Риги графу Шереметеву. Город вручал их в день торжественного въезда — 12 июля 1710 г. Ввиду того, что это событие ожидалось днём позже, на ключах помещена дата $\frac{XIII}{XXIV}$ июля. В настоящее время хранятся в Москве, в Оружейной палате.

В тот же день Шереметев со всем генералитетом и высшими офицерами, среди которых присутствовал прусский полковник Маршалок, прибыл к Песочным воротам, через которые вошли в Ригу русские полки во главе с князем Репниным. В город вошли Ингерманландский, Киевский, Астраханский, Сибирский и Бутырский полки. К 6 часам дня все главные караулы и посты Риги и половина цитадели были уже заняты русскими войсками.

Большое корабельное знамя было утверждено в цитадели на высоком валу. Князь Репнин был назначен генерал-губернатором, генерал-лейтенант Остен — губернатором и генерал-майор Айгустов — комендантом Риги.

Так кончилась эта тяжёлая 9-месячная осада; кроме страшного разрушения она, при содействии чумы и голода, стоила городу множества человеческих жизней и немалого материального ущерба. Всего, по исчислению Гельмса, в Ригу было брошено 7 084 бомбы.

Откинув жертвы, поглощённые чумой, необходимо признать, что «преславная», лучшая крепость на Балтийском побережье была приобретена «малою кровью». Эта «малая кровь» есть несомненный результат правильной оценки положения дел, как самим Петром, так и непосредственным исполнителем его велений фельдмаршалом Шереметевым. Ни бездеятельность и сравнительная слабость рижского гарнизона, ни желание выиграть несколько недель или даже месяцев не толкнули их на преждевременный рискованный штурм. Принятые же против подхода шведских подкреплений меры делали сдачу Риги неизбежной.

Хотя при составлении условий сдачи генерал-губернатор, действуя более в интересах дворянства, наносил ущерб городу, последний, посы-

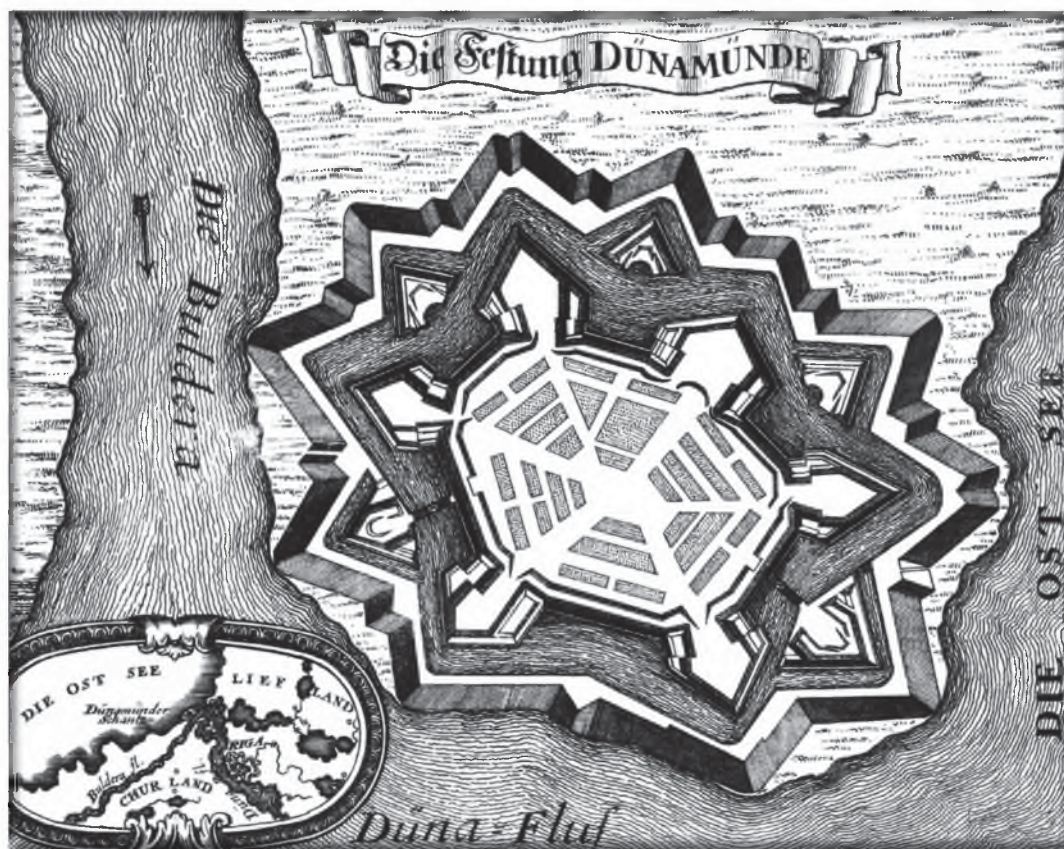
Присяга рижан перед фельдмаршалом Шереметевым, на Ратушной площади, 12 июля 1710 г., худ. А.Е.Коцебу (картина хранится в Эрмитаже).

кой к Шереметеву своего особого депутата бургомистра Нордека, сумел добиться сохранения своих привилегий. Условия капитуляции Риги и перехода в подданство России оговаривались в т.н. «Аккордных пунктах» («Аккордных статьях») — соглашениях между ливонским рыцарством (дворянством) и Рижским ратом, с одной стороны, и российским военным командованием — с другой. От имени командования они были подписаны Б.П.Шереметевым. Подписанные 4 июля фельдмаршалом договорные пункты по сдаче Риги, удостоившиеся 28 ноября Высочайшего утверждения, во всём соответствовали желаниям города и дворянства. Были подтверждены все права и привилегии прибалтийско-немецкого дворянства, а также бюргерской верхушки Риги. Тем самым было положено начало «остзейской автономии» — особого статуса прибалтийских губерний в составе России. За остзейским меньшинством закреплялись старые привилегии и предоставлялись новые.

Рига сохраняла важнейшие из своих привилегий: прежнее городское устройство, законы, бурграфский суд, исключительное господство немецкого языка, господство лютеранской церкви, вотчинное право; город по-прежнему мог иметь своё войско, в его ведении оставалось вооружение крепости и проч. Дворянство же, которому были обещаны «милость и благоволение Его Императорского Величества», со-

храняло все свои права и привилегии, дарованные Сигизмундом Августом; мало того, благодаря же милости Петра, действию «редукции» был дан обратный ход, что обещало и в действительности дало дворянству быстрое материальное возрождение, а с ним и исключительное положение в Прибалтийском крае.

С падением Риги участь Динамюнда была предрешена. Хотя 1 200 солдат крепостного гарнизона и 700 человек доставленного морем подкрепления тяжело пострадали от чумы, шведы до последней возможности оказывали мужественное сопротивление. Лишь после того, как крепость плотно блокировали со всех сторон и все попытки шведских кораблей приблизиться были успешно отбиты огнём русской артиллерии, комендант Штапельберг пошёл на переговоры о капитуляции. Динамюнд был сдан русским войскам 8 (19) августа 1710 года.

Крепость Динамюнде (Усть-Двинск), план 1702 г.

Взятие Риги

Как по морю, морю синему,
По синю морю по Хвалынскому,
Плыли, всплывали три военных корабля:
На первом кораблике император—царь сидит,
На другом кораблике князья—бояре сидят,
На третьем кораблике всё солдаты сидят, —
Сидели солдаты полку Семёновского,
Той ли первой роты бомбардирския.

Парусы они роняли белые—полотняные,
Того ли полотенца всё голландского;
Якори они бросали булатные,
Того ли булаты всё сибирского;
Мосты они намостили всё дубовые;
Подкопы они копали всё глубокие,
Глубокие подкопы на двенадцать вёрст;
Бочки закатали со лютым зельем,
Со лютым зельем, с чёрным порохом;
Свечи зажигали воску ярого.

Свечки догорали, бочки рѣзорвало,
Взрывало ту стену белокаменную.
Вот и стали государя—царя поздравляти:
«Уж ты здравствуй, государь—царь,
с крепким городом,
С крепким городом со Ригею!»»

Солдатская песня, XVIII в.

Основная масса русской осадной армии не была введена в Ригу и стояла лагерем в окрестностях города. «Моровое поветрие» сильно выкосило её ряды. С мая по декабрь 1710 года царские войска потеряли от чумы 9 800 человек, почти четверть личного состава!

Взятием в августе 1710 года Пернова и Аренсбурга, а 29 сентября того же года Ревеля закончилось выполнение великой задачи, поставленной державным Преобразователем России. «Торжествуй всеусерднейший расширителю всероссийской державы, яко уже вносимыми во всероссийское государство европейскими богатствами не одна хвалится будет Архангелогородская гавань», —

писал Курбатов Петру в ответ на его сообщение о взятии Риги.

Уже ближе к концу войны, когда Россия отвоёвала у Швеции немалые территории, Пётр включает в свои притязания всю Лифляндию и ряд других земель. По Ништадскому мирному договору от 30 августа (10 сентября) 1721 года, он добивается многого: «... Его королевское величество Свейское уступает сим за себя и своих, потомков и наследников Свейского престола и королевства Свейского его царскому величеству и его потомкам и наследникам Российского государства в совершенное непрекословное вечное владение и собственность во всей войне через его царского величества оружие от короны Свейской завоеванные провинции: Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с дистриктом Выборгского лена, который ниже сего в артикуле заграничном означен и описан с городами и крепостями — Ригой, Динаминдом, Пернавой, Ревелем, Дерптом, Нарвой, Выборгом, Кексгалъмом и всеми прочими к упомянутым провинциям надлежащими городами, крепостями, гаванями, местами, дистриктами, берегами... » По условиям договора, Россия возвращала Шведскому королевству Финляндию, занятую русскими войсками во время войны, и выплачивала компенсацию за отходившие от Швеции земли. Любопытно, что и сегодня этот договор входит в никем не оспариваемый корпус международно-правовых актов, на которых основана легитимность территорий всех государств мира. Россия навечно получала эти области не просто как победитель в Северной войне, но в результате уплаты Его Царским Величеством Шведскому Королевству «двух миллионов ефимков исправно без вычета и конечно от е.к.в. с надлежащими полномочными и расписками снабденным уполномоченным». Грубо говоря, земли Лифляндии были законно куплены Россией у шведского короля! Таким образом, что не удалось Москве Иоанна Грозного, чего тщетно пытался достигнуть «тишайший» царь Алексей Михайлович было блестяще разрешено Петром Великим; лишь его бессмертному гению удалось добиться заветного выхода России к морю. Приоб-

**Медаль в память присоединения Риги
к России в 1710 г.**

ретение провинций Лифляндии и Эстляндии (Курляндия присоединена к России только в 1795 году) возвратило России приморские земли, которых она так долго добивалась. Как отмечали в старое время: *«... и Прибалтийский край снова вступил в единение со своим коренным отечеством и государством».*

В 1721 году в ознаменование подписания Ништадского мира, по приказу императора Петра в Риге был заложен Царский сад (нынешний сад Виестура), в котором царь собственноручно посадил вяз. Это был первый регулярный парк в России.

Конечно, год присоединения Риги к Российской империи (1710) был одним из самых мучительных в богатой событиями её истории. Война, разруха, осада, чума... Тогда население города уменьшилось почти вдвое. Но после заключения мира, означавшего не просто заверше-

ние Северной войны, но и победу России в длительной борьбе за возвращение своих древних территорий, для Риги наступил двухсотлетний период долгожданного покоя, стабильности и неуклонного роста благосостояния. Вспомним, что при капитуляции все торговые и муниципальные привилегии рижских бюргеров были подтверждены. О таких привилегиях большинство российских городов тогда могло только мечтать! Любопытно, что несмотря на формально узаконенное хождение в Риге российских денег, рубли здесь долго не могли прижиться — вплоть до конца XVIII века. Хождение у местных жителей имели западноевропейские талеры и дукаты. Одно время для создания «переходной» валюты в Москве пытались чеканить «ливонезы» — монеты по образцу талеров с гербами Риги и Таллина, но вскоре из-за их непопулярности чеканка прекратилась.

Полковник Болдырев писал в 1910 году: *«Прошли века... Бывшая „неприступная невеста“ расцвела и стала пышной красавицей. Скрыты когда-то грозные верки, на месте их теперь тенистые сады. Форшадты разрослись в прекрасный „новый“ город. Суда всех наций бороздят мощные воды красавицы Двины. Много их утекло за долгие семь веков! Сменились целые поколения. Всё отдало дань времени. И только „старый“ город всё ещё хранит памятники своей долгой, полной глубокого интереса, истории».*

Приложение.

Выписка из Марсовой книги о числе шведских и русских войск при осаде Риги

А коликое число по оной было людей, также и артиллерии, тому при сем.

Реестр

Генерал и рижский губернатор граф Штремберх.

Генерал-майор Клот.

Генеральный штаб. Кригс-комисар 1, комисаров 5.

Артиллерийских офицеров и служителей.

Капитан 1, порутчиков и прапорщиков 4, сержантов и подпрапорщиков 54, корпоралов и рядовых 62, итого от артиллерии 121.

От фортификации. Капитанов 2, порутчиков 2.

Полки	Штаб– офицеров	Обер– офиц.	Ундер– офиц.	Неслу– жащих	Всего
Рейтарские					
Лифляндский Адельсфана		2	9		11
Генерал–майора Круза		4	101	2	107
Оболенский		2	41	1	44
Ниянский		2	46	1	49
Карелский		2	101	2	105
Подполковника Лоренца шквaдpон	1 полков.	2	1		4
Итого	1	14	299	6	320
Драгунские					
Карелский шквaдpон		1	10		11
Генерал–майора Шлипенбаха		1	31	2	34
Полковника Веннерштета			13		13
Подполковника Штретенфелта			9	1	10
Подполковника Бранта шквaдpон			14		14
Подполковника Шхоха шквaдpон			7		7
Подполковника Брензино шквaдpон	1 майор	9	111	5	126
Итого	1	11	195	8	215
Пехотные					
Оболенский	3. В том числе полков. 1, подполк. 1, майор 1	12	288	8	310
Бернеборский		5	90	4	99
Выборгский	1 майор	18	419	9	447
Ниянский		6	125	7	269
Естербецкий	3. В том числе полков. 1, подполк. 1, майор 1	20	508	13	544

Полки	Штаб– офицеров	Обер– офиц.	Ундер– офиц.	Неслу– жащих	Всего
Полковника Бекера.....	1 майор	24	340	18	383
Полковника Баннера	1 полков.	29	493	6	529
Генерал–майора Шкита	1 майор	22	344	5	372
Полковника Гелберта	1 майор	18	354	12	385
Генерал–майора Клота		14	364	4	382
Полковника Мегдена		15	406	16	437
Полковника Вингелм Бекера....	2. В том числе полков. 1, подполк. 1	23	407	7	439
Драбантов.....		12			12
Итого	13	218	4 168	109	4 508

В оной крепости артиллерии и пушек

Медных 83, чугунных 254.

Мортир: медных 7, чугунных 11, гаубиц медных 5.

В Цитадели пушек: медных 15, чугунных 239,-mortир чугунных 48.

Гаубиц чугунных же 2. Итого в городе и цитадели пушек медных и чугунных 561, mortир 66, гаубиц 7.

При атаке Риги были полки по дивизиям

Инфантерии: дивизия светлейшего князя генерал–фельдмаршала Меншикова. Гренодерский, лефортский, ингерманландский, астраханский, ренцелей, тобольский, ивангородский, копорский. Итого 8.

Генерала князя Репнина

Гренодерский, бутырский, киевский, новгородский, шлиселбургский, тверской, белгородский, наровский, каргопольский. Итого 9.

Генерала барона фон Аларта

Гренодерский, московский, казанский, псковский, нижегородский, сибирский, устюжский. Итого 7. Всего 24.

Кавалерии команды генерала Рена

Киевский, троцкий, новотроицкий, вятский, смоленский, невский, ямбургский, каргопольский. Итого 8.

Всего конных и пехотных полков 32.

Донских казаков 2 100 человек.

При той же атаке было королевского величества польского, саксонских артиллерийских служителей бомбардиров и канониров с надлежащими офицеры 4 компании, и оные по взятии Риги отправлены в Саксонию.